

Да никогда про меня ничего такого не напишут! Жалко. А с другой стороны, кому я опять же нужен? Может быть, я стихи приличные писал, или в культурных кругах был личностью известной, или письма проникновенные отправлял друзьям-товарищам? Отнюдь. Письма писать давно разучился, литераторов омских в массе своей на дух не выношу, стихотворчеством не балуюсь. А все равно жаль.

Собственно, что мне Вильям Озолин и что вся омская литературная общественность? Первого не знал, вторую и знать, в общем-то, не желаю. Книжка «Мой Вильям» попала в руки исключительно по причине того, что с ее автором - Александром Лейфером - просидел пару лет в одном кабинете «Вечернего Омска», когда тот в очередной раз пытался вернуться на журналистскую стезю. В конце девяностых стезя оказалась мудреной, нахрапистой и абсолютно антикультуртрегерской. Александр Эдуардович, добросовестно отмучившись положенный срок, благополучно отошел в привычный мир писательства и литературной критики, где и пребывает поныне.

Книжка отличалась необычным оформлением и портретом Вильяма Озолина на обложке кисти Николая Третьякова. Плюс дарственная надпись. Из вежли-

запросто прописались на Алтае, откуда ежегодно на всю страну ретранслируют вызывающую пошлость, почему-то сопрягая ее с Василием Макаровичем.

Точная формула заставила вернуться в начало книги, а уж затем читал ее легко и не без удовольствия. Простая книжка о дружбе, о творчестве, о стойкости, об ошибках, о времени и о себе. Насквозь документальная, больше чем наполовину состоящая из писем, давних газетных публикаций, дневниковых записей. Ничего лишнего - легкий флер эмоций, уточняющие сноски, иллюстративные снимки.

«ИТАК - ГОЛЫЙ ЗИМОЙ В ТАКСИ»

ности необходимо было хотя бы бегло пролистать страницы, дабы впоследствии более или менее предметно выразить автору свое восхищение. Закон жанра.

И вдруг: «Последний раз какое-то общение было на Шукшинских чтениях в июле 94 г. Но все больше на этот праздник прибывает деятелей кино, а это в основном или известные пусышки вроде Жарикова и Саши Черного, или совсем уж оголтелые «спасители русского народа». Грустно, так как во время кликушеских речей этих «защитничков» людям иной национальности просто неудобно стоять на горе Пикет, вроде бы попали на чужой пир». Дневниковая запись датирована 1995 годом. Остается лишь порадоваться (?!), что не дожил Вильям Озолин до нынешних дней, когда разухабистые деятели из программы «Аншлаг»

Да, был такой Вильям Озолин - моряк, балагур, гитарист, бродяга и просто хороший омский поэт. Потом он перестал быть омским, пожил в Чите, а умер в Барнауле в августе 1997 года. Вот об этом, собственно, и книга. И какое, каза-

соватости яркие личности всегда парадоксальным образом востребованы. Обыватели, глядя на них, крутят пальцем у виска, а потом слагают легенды.

В эпоху развитого социализма Озолин по определению не мог быть угоден властям по своей колочности, по дружбе с опальными художниками, по широте натуры, по аморалке, по... да по всему! Не любили Вильяма чиновники от литературы, не жаловали чекисты. «После всего этого мне ничего не оставалось, как сесть в такси голым (зимой) и проехаться по городу Омску (молва упорно приписывает мне газету «Правду» или, точнее, «с газетой в руках», но это чистый поклеп, ехал я без газеты, а просто так. Кстати, шофером такси был мой друг Коля Морда, он мог это подтвердить). И так - голый зимой в такси. Много так не накатаешься, и я уехал из города совсем в г. Читу, прихватив с собой красавицу жену скромного обкомовского работника-комсомольца. С его женой я в славном городе Чите морально исправился и перевоспитался по отношению к женщинам, живу с нею и по сию пору! Аминь!»

Вот так. Вильяма Озолина давно нет, а легенда осталась. И не легенда даже, а память о живом, ярком, талантливейшем нашем современнике, которого Омск, как и многих других, отругнул и не заметил.

Александр Лейфер написал книгу о своем друге, и о какой-то беспристрастности говорить здесь неуместно. Равно как и беспристрастно ее рецензировать. В конце концов, для того и пишутся книги, чтобы их читали, а не литературно оценивали. И если потом что-то остается внутри, то книжка удалась.

То, что меня зацепило, я изложил в начале публикации. Это, понятно, вкусовщина, а не трезвый анализ произведения. Анализом пусть занимаются другие.

Михаил ЖУРАВЛЕВ.

Кстати...

27 декабря председателю Омского отделения Союза российских писателей, журналисту и бывшему корреспонденту «Вечерки» Александру ЛЕЙФЕРУ исполняется 60 лет. Заранее присоединяемся ко всем поздравлениям и желаем новых книг и творческих успехов!

лось бы, нам, продвинутым представителям третьего тысячелетия, дело до какого-то провинциального литератора из совсем не прекрасного далека?

А выходит, что есть. Времена меняются, но люди как-то не очень. В сером мире обыденности и тру-